

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сборник материалов и тезисов
IV чтений памяти В.Д.Королюка

Москва 1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сборник материалов и тезисов
IV чтений памяти В.Д.Королюка

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1986

В сборнике освещаются актуальные и спорные проблемы идеологии и общественно-политической мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период средневековья. Для сборника характерны междисциплинарный подход авторов, широкий хронологический охват, глубокая аргументированность и смелость предлагаемых решений.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.Н.Виноградов, доктор исторических наук
/отв. редактор/, Е.П.Наумов, доктор исторических наук,
Л.Е.Семенова, кандидат исторических наук,
Б.Н.Флоря, доктор исторических наук, Н.С.Захарьина,
/отв. секретарь/ Л.В.Заборовский,

5-6 марта 1986г. состоялись IV чтения, посвященные памяти выдающегося советского историка-слависта В.Д.Королюка. В научном наследии ученого видное место занимают исследования по истории этнического самосознания и политической идеологии средневековых славянских государств. Поэтому представляется вполне оправданным замысел посвятить памяти ученого научную сессию "Идеология и общественно-политическая мысль в странах ЦЮВЕ периода средневековья". Если по истории общественной мысли Западной Европы в средние века, а также по истории общественной мысли и культуры эпохи Возрождения подобные сессии проводились неоднократно, то научная сессия по истории средневековой общественной мысли данного региона в целом проводится впервые. В работе сессии приняли участие историки и филологи научных учреждений Москвы, Ленинграда, Львова, Минска, Воронежа, Волгограда, Калининграда. Представленные доклады затрагивают историю общественной мысли всех трех /южной, западной и восточной/ ветвей славянства на протяжении тысячелетнего периода - от IX-X до начала XIX вв.

Публикуемые тезисы докладов с некоторой долей условности можно разбить на три большие темы.

Первая - это история средневековой политической мысли, проявляющейся, как в государственных доктринах, так и в представлениях противостоящих феодальному государству народных масс, находящей свое отражение в правовых памятниках, публицистике, историко-литературных произведениях.

Другая большая тема - это история идейного общения между общественными деятелями и культурными течениями разных стран и наро-

дов, особенно важная для данного региона, где постоянно сталкивались между собой различные религиозные и культурные традиции.

Наконец, третья тема, также весьма важная для изучения истории общественной мысли эпохи средневековья, это тема соотношения религиозного и светского начала в идейной мысли и социальном сознании общества. В своей совокупности, сделанные сообщения есть все основания оценить как серьезный вклад в изучение этой важной научной темы.

Некоторые черты народной религиозности в Византии в
в XIV в.

В ряду проблем, связанных с изучением средневековой народной культуры, видное место занимает изучение религиозности социальных низов. Их позиция в вопросах вероучения в Византии всегда была значимой, в силу чего она часто находила отражение в документах официального или частного характера. В настоящем докладе вопрос рассматривается на основе изучения впервые опубликованного в 1983 г. "Слова на перенесение мощей во святых отца нашего Афанасия, патриарха Константинополя", созданного в 36-е г. XIV в. Феоктистом Студитом. Используются также данные двух житий Афанасия I, его писем и некоторых других источников.

Написанное в традициях византийской риторики, "Слово", тем не менее, помимо пышных и витиеватых описаний достоинств Афанасия I, содержит немало ярких подробностей, относящихся к различным сторонам жизни рядового населения империи. В "Слове" зафиксированы тридцать девять чудес, совершившихся возле усыпальницы с мощами святого. Стремясь к большей убедительности своего рассказа, Студит приводит различные сведения о людях, ставших свидетелями чудес, или испытывавших их действие на себе. Среди них двадцать один мужчина и восемнадцать женщин, виноградари, монахи и монахини, священники. В отдельных случаях указаны наименования местностей, откуда они прибыли на поклонение мощам.

Описания всевозможных исцелений, сделанные Студитом, дают нам не столько представления о методах психотерапии, на что указывает А.-М.Толбот -издательница "Слова", сколько о высоком уровне и различных нюансах народной религиозности, в структуре которой важную роль играл культ аскетов. Важно также отметить, что в "Слове" ярко отражена социальная ситуация в империи, турецкий натиск и растущая популярность исихазма.

Л.Горина

Культура средневековой Болгарии в творчестве

Марина Дринова

В творчестве Марина Дринова - видного болгарского и российского историка второй половины прошлого-начала нынешнего века

проблемы культурного развития Болгарии эпохи средневековья занимают почетное место, найдя освещение как в солидных монографических исследованиях ученого, так и в целой серии небольших сочинений и лекционных курсах, прочитанных им студентам Харьковского университета.

В ряду вопросов, поставленных М. Дриновым в связи с изучением культуры болгарского средневековья, выделяются относящиеся к кирилло-мефодиевской проблематике, жизни и деятельности выдающихся представителей культуры Первого Болгарского царства — Климента Охридского, Константина Преславского, Черноризца Храбра, характеристике феномена Тырновской книжной школы.

Специальное и углубленное изучение в творчестве Дринова нашли многие источники по истории средневековой Болгарии, представленные историком в том числе и как памятники культуры. В их числе — болгарский перевод хроники Константина Манассии. Дринов стоит у истоков изучения миниатюр этого известного исторического источника.

Наиболее подробно ученым изучена культура периода Второго Болгарского царства. Им подробно охарактеризованы многие болгарские памятники XIII—XIV вв., в том числе сборник болгарского царя Ивана Александра (1348 г.), сочинения последнего болгарского патриарха тырновского периода Евфимия и др.

М. В. Дмитриев.

К истории реформационной пропаганды в восточнославянских землях Речи Посполитой в 60-е годы XVI в. /рукописный сборник реформационных проповедей из собраний ГПБ им. М. Ф. Салтыкова-Щедрина/.

В 50-е—60-е годы XVI в. восточнославянские земли Речи Посполитой стали ареной активной реформационной проповеди, проводимой как польскими протестантами, так и русскими вольнодумцами, оказавшимися здесь после вынужденной эмиграции из Московского государства, а также местными сторонниками реформационных идей. Развернувшаяся между реформаторами и православной церковью идеологическая борьба нашла отражение, с одной стороны, в памятниках реформационной агитации /например, "Письмо половца Ивана Смерн", Креховский апостол/, с другой, в памятниках противорефор-

мационной полемики /например, "Послание многословное", сочинение Зиновия Стенского "Истины показание к вопросившим о новом учении", послания старца Артемия, сочинение "Против повести нынешних еретиков" и др./ Сборник толково-учительных слов из собрания Ю.А.Яворского в ОВ ГПБ в Ленинграде принадлежит к первой категории памятников и существенно расширяет наши знания о характере реформационной проповеди восточнославянских вольнодумцев в это время.

По структуре и содержанию сборник близок так называемым учительным евангелиям второй половины XVII в., изучение которых было начато в межвоенный период польским филологом Я.Яновым. На автора сборника оказали влияние возникшие в начале 60-х гг. XVII в. первые переводы "Постылли" М.Рей на белорусско-украинский язык. Однако, в отличие от других памятников этого типа, сборник из собрания Ю.А.Яворского представляет собой переработку "Постылли" в последовательно реформационном и демократическом духе. Большинство его поучений оригинально. Радикализм заключенных в нем антиклерикальных и социальных идей позволяет предполагать, что автором сочинения был один из восточнославянских реформаторов 60-х годов XVII в., возможно, связанный с кругом Феодосия Косого.

Идейное содержание сборника в целом соответствует тем принципам восточнославянского свободомыслия этого периода, какие зафиксированы в "Послании многословном". В критике церкви и духовенства, в отрицании авторитета официального вероучения и "церковного предания", объявленных вместе со всеми таинствами, молитвой, почитанием святых, литургией, "людским вымыслом" автор проводил ту же линию, что и действовавшие в восточнославянских областях Речи Посполитой реформаторы. Отрицание церкви как идеологического института перерастает в сборнике в критику принципов феодальной государственности вообще. По временам автор поднимается до прямой критики дворянства как господствующего сословия. Вместе с тем, в социальной программе сборника есть известная напоследовательность. Автор стремится избежать прямого конфликта со светской властью, осуждает тех, кто выдвигает идеи социального неповиновения, В целом сборник свидетель-

ствуем об остроте и широком масштабе реформационных выступлений в православных регионах Речи Посполитой в третьей четверти XVI в.

Л.В. Заборовский

Дипломатические документы XVII в. как источник по истории общественно-политической мысли и идеологии/проект для Европы Ш.Розенхане/

Традиционные источники при изучении общественно-политической мысли – прежде всего творчество ее представителей, отдельные произведения такого рода. Весьма желательное расширение источниковой базы исследований.

В частности целесообразно привлечение материалов дипломатического характера для характеристики не только взглядов разных групп господствующего класса /иногда и более широких общественных кругов/ в сфере внешней политики, но и более обширного набора проблем. К примеру, документы дипломатических переговоров позволяют воссоздать официальные представления о роли, месте и взаимоотношениях отдельных стран и групп в ~~их~~ общей системе международных связей, ту идеологическую аргументацию, которой обосновывались взаимные требования и т.д.

К числу подобных источников, получивших весьма заметное распространение в XVII в., относятся проекты и предложения по внешнеполитическим вопросам, подававшиеся правительством по конкретным поводам. Таков и рассматриваемый документ.

"Верноподданное рассуждение о польской войне"/9 сентября 1655г./ было составлено членом шведского риксрета Ш.Розенхане в ответ на письмо короля Карла X с сообщением о капитуляции великопольских воеводств под Уйстве и с требованием совета о дальнейшей политической линии. В тот момент шведские политики считали войну выигранной.

В этих условиях Ш.Розенхане подробно рассматривал две главные вероятные политические возможности: гибель Речи Посполитой и ее "выживание". Анализируя первый вариант, автор выдвинул и аргументированно разобрал "за" и "против" трех эвентуальностей.

Одна – это приобретение шведами всей Речи Посполитой и Карлом X ее престола. Разбор доводов автора показывает, что

подобная программа обширной внешнеполитической экспансии была приемлема для шведских феодалов и виделась как основа для укрепления великодержавии Швеции в этой части континента, включая Германию. Но автор реально усматривал и большие внутренние и международные трудности при ее осуществлении.

Вторая имела в виду посадить на трон Речи Посполитой зависимого от шведов владетеля. Первым кандидатом считался бранденбургский курфюрст, который должен был оплатить это крупными территориальными уступками за счет Речи Посполитой и собственными преимущественно на балтийском побережье и вблизи и "вечным союзом" как гарантией шведских приобретений. Но даже в таком случае курфюрст в перспективе вызывал опасения, поэтому Ш. Розенхане предлагал подыскать более зависимого от шведов кандидата.

Третья предусматривала раздел Речи Посполитой с соседями при выделении Швеции большей и лучшей части. Наш автор видел тут две главных опасности: в международном плане приближение к владениям Османов и соответственное усиление опасности конфликтов с ними, нежелательных шведам. Во внутриполитическом: нежелательное воздействие примера независимого польского дворянства на шведских дворян и развитие антиабсолютистских тенденций.

Вторая основная возможность, рассматриваемая Ш. Розенхане — это сохранение независимости Речи Посполитой. Автор явно считал такой путь желательным и указывал, что он имеет немало сторонников в Швеции, но сопровождал его тяжелыми для Речи Посполитой условиями, в частности, большими территориальными уступками, прежде всего в приморье.

После осуществления одной из запланированных возможностей мыслилось использование шведской мощи в иных направлениях, но их конкретизация откладывалась до выяснения обстановки.

Сравнивая данные источников такого рода с материалами по истории общественно-политической мысли, исследователи могут получить более глубокое представление о ее проявлениях.

Вяч. Вс. Иванов

Славянское язычество как проблема медиевистики

Основные проблемы изучения славянской мифологии в связи

с вопросами истории славянских народов в Средние века. Главные источники/древнеписьменные, фольклорные, археологические, этнографические, языковые/восстановления разных этапов развития славянской мифологии и методы исследования.

Пантеон Киевской Руси времени Владимира. Сведения о каждом из основных богов/Перуне, Велесе-Волосе, Хорсе, Дажьбоге, Стрибоге, Семаргле-Симаргле, Мокоши/, его особенностях и особенностях его изображения /"идола"/. Функции богов /в частности, Перуна и Велеса/ в соотношении с древнейшей социальной структурой Киевской Руси/по данным договоров русских с Византией/. Легенда о Кие и происхождении Киева в свете новых данных. Дальнейшая судьба языческого пантеона после принятия христианства. Следы языческих представлений и двоеверия в иконах. Особенности древненовгородской и позднейшей северновеликорусской традиции. Устойчивость язычества в Северной Руси. Языческие мотивы в северных былинах и других памятниках народного творчества в сопоставлении с севернорусскими иконами. Змееборческие сюжеты в фольклоре и изобразительном искусстве. Проблема взаимодействия с финноугорской/и другими евразийскими/ традицией. Особенности южновеликорусских языческих преданий. Ранние украинские записи, сохраняющие мифологические имена и верования. Мифологическое украинское наследие. Легенда о происхождении Днепровских порогов. Полесье как заповедник ранних языческих верований. Новейшие данные о следах мифологии Полесья. Следы язычества в других областях Белоруссии. Мифология белорусско-литовской пограничной зоны и воздействие балтийской традиции на белоруссов. Проблема следов мифологии в Великом княжестве Литовском.

Сведения средневековых авторов о мифологии балтийских славян в сопоставлении с археологическими источниками об Арконе и других их святилищах. Пантеон балтийских славян, сведения о богах /Свентовите, Триглаве, Сварожиче-Радгосте, Яровите-Руевите, Прове, Поревите, Припегале, Подаге/, их функциях и характере их изображений. Боги балтийских славян /Чернобог, Жива/, общие с другими западными славянами. Особенности ранней смены язычества западным /католическим/ вариантом христианства. Следы язычества у лужичан, полабов, народов лехитской группы/поляков, кашубов, словинцев/

чехов и словаков. Предание о мифологических предках Чехе и Ляхе. Легенда о происхождении Кракова и змееборческий мотив, с ней связанный. Польский пантеон по Длугошу и другим ранним авторам. След ранних верований у юго-западных славян/словенцев, сербов и хорватов/. Локальные особенности преданий и обрядов в отдельных областях Югославии. Явления, объясняемые взаимодействием с другими балканскими народами. Мифология юго-восточных славян/болгар и македонцев/. Следы взаимодействия с турецкими и другими этническими слоями.

Понятия общеславянской /общей для всех славянских традиций, включая и поздние памятники фольклора и изобразительного искусства/ и праславянской /исторически исходной/ мифологии и картины /"модели"/ мира. Принципы установления общеславянской мифологии и восстановления мифологии праславянской. Основы сравнительно-исторического исследования мифологии. Соотношение между праславянской, балтийской и другими индоевропейскими традициями. Мифологические материалы, позволяющие восстановить главные персонажи и сюжеты славянской мифологии и их балто-славянские и индоевропейские источники. Славянский громовник-Перун и змееборческий сюжет, с ним связанный. Противник Перуна в цикле мифов. Сравнительно исторические данные о боге-громовике и его отражении в изобразительном искусстве. Славянский, балто-славянский и индоевропейский боги ясного неба и солнца. Балто-славянский миф о небесной свадьбе солнца и месяца. Славянские астральные мифы. Небесный и земной огонь в славянской мифологии и образ бога-кузнеца. Женское божество, связанное с пряжей, и древнее ее наименование. Сельскохозяйственные культ у славян. Славянская мифология и особенности хозяйства у древних славян.

Следы близнецных божеств и близнецных мифов у славян. Соотнесение дуалистической мифологии и близнецных божеств в соответствии с теорией А.И.Золотарева. Основные пары противоположных мифологических символов и понятий в славянской картине мира. Мифы о солнце и месяце, дне и ночи, их отражение в изобразительном искусстве. Парные образы коней и птиц в славянском балтийском и финно-угорском народном изобразительном искусстве и орнаменте. Симметрия парных символов и симметрия в словесном

и изобразительном искусстве славян. Современные методы изучения симметрии в мифологии и других системах знаков. Возможное влияние раннеиранских и позднейших манихейских представлений на славянские традиции. Космология и богомилство в Болгарии. Древний смысл мифологического представления о мировом дереве, в котором отражена трехчастность мироздания. Верхний мир /небесный/ и его связь с небесными /"дивьями"/ птицами /славянские мифы о птицах, их отражение в изобразительном искусстве/ и пчелами /славянские мифы о пчелах и Пчелином боге/. Средний /земной/ мир, его связь с лесом и лесными животными. Охотничьи мифы и обряды у славян. Охотничьи замены названий животных /общеславянское название медведя как 'едящего мед' и т.п./ . Нижний /подземный и подводный/ мир, мифологические представления о животных нижнего мира у славян в сопоставлении с общеевразийскими мотивами. Мировое дерево в славянском изобразительном искусстве и орнаменте.

Образы лешего, водяного и других воплощений сил природы у славян. Мифологические символы, почерпнутые из природы: небесные тела, звери, растения, камни, горы, море и т.п. Преобразование природных образов в мифологии. Особенности тотемистических символов животных. Образы растений в славянских мифах. Образы домовых и мифологических воплощений разных частей домового хозяйства у славян. Символика отдельных частей дома и территории, к нему примыкающей. Связь домашнего микрокосма со вселенским микрокосмом. Изображения дома и его составных частей в изобразительном искусстве.

Циклический характер мифологического времени в отличие от линейного. Календарный порядок сельскохозяйственных праздников. Карнавально-гротескный элемент в аграрных праздниках. Смех над смертью и сожжение гротескного символа /Масляница, Ярило, Кострома, Кострубонько и т.п./ . Преодоление противопоставлений типа жизнь-смерть, весна-зима в карнавальных праздниках. Жизненный цикл человека и его отражение в мифе. Ритуал инициации и структура волшебных сказок по В.Я. Проппу. Лечение человека и славянская народная магия. Славянские представления о загробном мире.

Виды погребального обряда и соответствующих им мифологических текстов у славян.

Отличия славян и их мифологических предков от других народов в мифологии. Приметы своего и чужого в мифе и сказке. Следы древних славянских родо-племенных отношений в мифологии. Култ рода и рожаниц у славян. Мифологические истоки славянского права. Сходство и различие между разными славянскими традициями. Степень сохранения древнего наследия в каждой из них. Взаимодействие с неславянскими традициями, соотношение унаследованного и приобретенного в мифологии.

С. А. Иванов

Генеалогия одной легенды о Константине Великом.

Византийский автор X в. Лев Диакон рассказывает в своей "Истории": "Город Дористол... заложил и довел до теперешней красоты прославленный среди государей Константин, после того, как он, увидев на небе крестное знамение в виде созвездия, победил проявлявших к нему вражду и яростно наступавших скифов" (УШ, 8). В этом удивительном пассаже все – неправда. Во-первых, Дористол уже в I в. н. э. был крупным центром, где квартировал целый легион, и тем самым существовал задолго до Константина. Во-вторых, из цитированного пассажа можно заключить, что город был основан на месте победы, а между тем Константин ни разу не разбивал противника на Дунае, пусть даже под "скифами" разумеются его постоянные враги готы. В-третьих, согласно официальной церковной версии, идущей от Евсевия, император увидел на небе крест отнюдь не в Подунавье, а под Римом, накануне битвы с Максенцием в 312 г. (Eusebii VC, I. 28) В-четвертых, ортодоксальная легенда утверждала, что крест явился Константину днем, в солнечном сиянии. Личность Константина в Византии подверглась мифологизации – он единственный из императоров был канонизирован, и естественно, что ему приписывались многие деяния, которых он не совершал. Так, легенду об основании им Дористода мы находим, кроме Льва, у Псевдо-Кодина: "Он был (в походе) против скифов и, подчинив их, основал там города, и Преслав,

и Дистру" (Georgii Codini Excerpta. 1843, 23). Как видим, здесь нет ни слова о знамени, а постройки Константина умножились. Однако, в обоих источниках побежденные враги императора названы "скифами". В другом памятнике "Страсти свв. Иоанна и Павла" (ASS. Jun. VII), наоборот, ничего нет об основании городов, но зато наличествует видение креста во Фракии, и тоже перед победой над "скифами". Наконец, ночной характер знамени имеет свою историко-церковную традицию, идущую от Филосторгия (ср. Vogt J. Berichte über Kreuzeserscheinung aus dem IV Jh. - In: Melanges H. Gregoire. Bruxelles, 1949, S. 595). Правда ни у него, ни у Лактанция ни у Гелласия Кесарийского, ни у Руфина нет ни Дуная, ни "скифов". Мы не знаем автора балканского варианта легенды, но известно, что в ней перемешались факты из жизни Константина и его сына Констанция (Gregoire H., Orgels P. Gallicanus, consul et martyr. - Bull. Cl. lett. et sc. mor. pol de Ac. royale de Belgique 1956, 5 ser., t. XLII, p. 133).

Этот вариант мы находим в анонимном памятнике Optasia Konstantinou ; дошедшем во многих рукописях, самая ранняя из которых датируется III в. (Konstantins Kreuzesvision. Bonn, 1912, S. 2). Там есть и нападение варваров (но не "скифов"), и ночное видение Константину, нет, правда, упоминания о Дористоле, но зато сказано: "прибыл к Дунаю и разбил лагерь на берегу реки" (Ibid., p. 19.9-11). Короче, легенда, приводимая Львом Диаконом, имеет много параллелей, но ни одного точного прототипа.

Но гораздо интереснее другое: будучи духовным лицом, Лев не мог не знать, что Дористол существовал и до Константина, ведь в этом городе при Диоклетиане потерпели многие христианские мученики: св. Юлий, свв. Марциан и Никандр (Zeiller J. Les origines chrétiennes dans les provinces danubiennes. P, 1918, p. 56-57). И уж во всяком случае, будучи придворным диаконом Василия II, поминал по менологию этого императора св. Дасия (Menologium. PG, 1864, 117). Но взявшись за перо, как историк мирских дел, Лев будто отключился от этого сакрального знания. То же и с легендой о знамени: состоя патриаршим, а позже дворцовым священником, Лев, разумеется, знал и о том, что приводимая им версия принадлежит

арианам, проклятым еретикам: именно к их церковноисторической традиции восходит и мотив Дуная, и мотив ночного видения (Gregoire G., Orgels P. Op. cit). Пусть арианская форма легенды была более популярной в Византии, но почему же Лев, далеко не "человек с улицы", прельстился на нее, словно забыв о традиции Евсевия, о Сократе и Созомене, официальных историках церкви?

В обоих этих случаях Лев как диакон отступает перед Львом как сочинителем светской истории, занимательный анекдот берет верх над священным преданием. Но мы бы поспешили, усмотрев здесь признаки ереси или вольнодумства. Возьмись Лев за писание церковной истории, и дористольские мученики, и знамение креста встали бы на свое ортодоксальное место – но в светской истории свои правила. В Византии правда факта подчинялась правде жанра, и особенно в X в. (Dagron G. La romanité chrétienne. L., 1984, III, p. 103).

Н.Ф. Каврус

Константинопольские книгописные мастерские IX–X веков и репертуар переписываемых в них произведений.

IX–X века – время создания и расцвета крупнейших центров книгописания Византии и прежде всего ее столицы – Константинополя. В этот период осуществляется грандиозная работа по транслитерации уникальных рукописей новым типом письма – минускулом: собираются, изучаются и переписываются произведения античных авторов и отцов церкви, составляются различного рода сборники и энциклопедии. Активно действуют скриптории Студийского монастыря и Императорский, создаются замечательные группы рукописей – "Философская коллекция", манускрипты Арефы Кесарийского и монаха Ефрема, кодексы, написанные "алмазным" минускулом.

Изучение репертуара переписываемых произведений как известных скрипториев так и только предположительно локализованных групп рукописей может помочь исследователям воссоздать деятельность определенного скриптория или определенного круга

людей, их интеллектуальные и духовные запросы. При изучении репертуара исследуемых групп рукописей мы используем как данные, широко известные в научной литературе, так и материалы своих исследований греческих рукописей IX-X веков советских собраний.

1. Студийский скрипторий./IX-X вв./. Репертуар сочинений, переписанных книгописцами Студийского скриптория в IX-X веках показывает, что набор книг ничем не отличается от обычного для любой крупной монастырской библиотеки: Четвероевангелия, Послания апостолов с толкованиями, произведения Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Феодора Студита, Кирилла Александрийского, псалтири, минологии. Нет ни одного светского сочинения, отсутствуют и произведения античных авторов. Скрипторий Студийского монастыря служил практическим целям жизни обители и, по-видимому, находился в стороне от гуманистических тенденций эпохи, которые достаточно четко прослеживаются при изучении репертуара других групп рукописей.

2. "Философская коллекция"/Конец IX в./. 14 кодексов этой известной группы рукописей объединяются между собой прежде всего своим содержанием - в основном это античные философы и их комментаторы, преобладают сочинения Платона и неоплатоников. Эти кодексы объединяются также большим сходством кодикологических и палеографических особенностей, что позволяет с уверенностью сделать выводы о том, что рукописи "философской коллекции" вышли из одного скриптория/по предположению ряда исследователей - "скриптория патриарха Фотия"/.

3. Рукописи Арефы Кесарийского /нач. X в./. Библиотека Арефы, помимо христианских авторов, содержала произведения классических и послеклассических авторов - прозаиков, философов, математиков и поэтов. Собрание, переписывание и комментирование древних рукописей классических авторов является важнейшей стороной деятельности Арефы Кесарийского

4. Манускрипты, написанные "алмазным" минускулом. /Императорский скрипторий, I-я пол. X в./. Большинство рукописей, написанных

"алмазным" минускулом, содержит Священное писание или Сочинения Отцов церкви. Этим типом письма написаны также некоторые произведения классических авторов /Фукидид, Геродот, Элий Аристид и др./ и многие сборники энциклопедического содержания, созданные, по предположению большинства исследователей, в скриптории Константина VII Багрянородного. Обращает на себя внимание большое количество кодексов крупного формата, содержащих сочинения патристики, что позволяет предположить "проект" издания в Императорской книгописной мастерской полного собрания сочинений Отцов церкви.

5. "Скрипторий монаха Ефрема"/середина X в./ Названный по имени переписчика пяти рукописей, положивших начало этой группе кодексов, "скрипторий Ефрема" занимает важное место среди других книгописных мастерских столицы. Широкий репертуар скриптория - в основном это сочинения патристики и произведения классических авторов - показывает связь с традициями двух крупнейших центров книгописания конца IX - I-ой пол. X в. - Патриаршего /"скрипторий Фотия"/ и Императорского.

Т.о., изучение репертуара переписываемых сочинений в константинопольских скрипториях IX-X вв. показывает богатство и разнообразие духовных интересов выдающихся личностей этой эпохи. Ясно видна гуманистическая направленность этих интересов - собирание, переписывание и комментирование произведений классических авторов патриархом Фотием, архиепископом Кесарии Арефой, монахом Ефремом. Наряду с этим в I-ой пол. IX в. предпринимается большая работа по освоению и сохранению богатого наследия христианской патристической литературы предшествующих веков.

М.В. Кашуба

Специфика реформации на Украине.

Факт, что в период наступления католицизма и униатства на Украину и Белоруссию, связанного с разгулом контрреформации, православие сыграло роль защитника национальных интересов трех братских народов и освящало их союз, дал повод буржуазным исследователям утверждать, будто Реформация не коснулась православной церкви вообще. Это необоснованное мнение уже в зна-

чительной мере опровергнуто в нашей исторической и философской литературе. Специфика же реформационного движения, его особый характер, определяющийся тесной связью с национально-освободительной борьбой широких демократических слоев и антифеодальным движением угнетенного трудового народа, еще ждет своего исследователя.

Исторические обстоятельства сложились так, что реформационные идеи, с помощью которых буржуазия в Западной Европе стремилась утвердить новую систему эксплуатации, сыграли на Украине несколько иную социальную роль. В силу своей социальной природы — тесной связи с национально-освободительной борьбой на Украине и в Белоруссии — Реформация утрачивает здесь свое значение новой религии и превращается в идеологическое оружие борьбы против всякой религии — православия в том числе. Свидетельство тому — распространение идей украинской и белорусской полемической литературы в произведениях русских раскольников /"Кириллова книга" и др./.

О Реформации на Украине следует говорить, в первую очередь, как о широком социальном движении, имеющем антифеодальный характер, поскольку оно связано с обострением классовой борьбы, направленной не только против католической церкви и ее экспансии на Восток, а также против православной церкви как крупного феодала-эксплуататора, но и против феодально-средневековой идеологии.

Критика феодального мировоззрения тесно связанного с католической и православной ортодоксией, дополнялись в реформационном движении гуманистическими идеалами утверждения ценности человека, земной жизни, равенства народов и верований, а в философских изысканиях мысль реформаторов поднималась к материалистическим догадкам о самобытности мира.

С реформационным движением на Украине связана борьба за просвещение, за развитие науки, за демократические цели книжного знания, за введение в книжное дело родного языка. Эти стремления дали толчок развитию астрономических, математических,

исторических, филологических и философских знаний, проложили пути отечественному книгопечатанию, а погода – и развитию точных наук. Все это ярко проявилось в деятельности братств, которые представляют собой классическое выражение Реформации на Украине.

Реформационное движение на Украине не было однородным, для него характерны два основных направления. Одно, возглавляемое И. Вышенским, ратовало за возвращение к принципам первично-христианской общины, проповедывало возвышение личности путем мистического единения с богом. Второе, представленное С. и Л. Зизаниями, К.-Т. Ставровецким, И. Гизелем, поднималось к критике не только духовной и светской иерархии, но и существующих порядков, требовало устранения социального зла на основании равенства всех людей от природы.

Ю. В. Костяшов

Идея сербской государственности в освободительном движении сербов под властью Австрии.

Влияние идеи сербской государственности на развитие освободительного движения сербов не прерывается на протяжении всего периода иностранного владычества вплоть до эпохи Национального возрождения. Идея государственности – живая память народа о державе Неманичей и былой славе сербского оружия, культ сербских князей, деспотов, святых, осознание своего подневольного положения и т.п. – широко отразилась в письменных источниках и устном народном творчестве. В течение веков эта идея трансформировалась наполнялась новым содержанием, использовалась в разных целях.

В обстановке резкого подъема национально-освободительной борьбы во время австро-турецкой войны 1683–1699 гг. идея государственности приобретает законченную форму в концепции Г. Бранковича, обосновавшего необходимость и правомерность возрождения независимого сербского государства. Однако, одних "Славяно-сербских хроник" Г. Бранковича недостаточно для утверждения, что идеи "ложного деспота" стали практической целью освободительного движения народа. Более того, после Великого переселения 1690г. и в течение всего XVIII века реальную альтернативу власти Габсбур-

гов сербы видели не в создании собственного государства, а в турецком подданстве.

Сербскую "государственную традицию" мы можем рассматривать как фактор укрепления национального /этнического/ самосознания, что имело первостепенное значение в условиях разделения народа государственными границами. Стремление к возрождению государства в качестве ведущего мотива освободительного движения появляется гораздо позднее, уже в 19 в.

Новое содержание "государственной традиции" сербов под власть Габсбургов было связано с дарованными Леопольдом I Привилегиями, которые способствовали формированию представлений об особом положении сербского народа в империи. Эти представления постепенно выдвигались на первый план, вытесняя воспоминание о державе Неманичей. Идея государственности трансформируется в требование административно-территориальной автономии сербов в рамках австрийской монархии. В развернутом виде эта автономистская программа была разработана на Темешварском соборе 1790 г. Движение за автономию не означало, однако, утраты связей с той частью народа, которая оставалась под властью Турции. "Австрийские" сербы по-прежнему продолжали связывать свои представления об Отечестве с землями старого Сербского королевства.

Г.Г. Литаврин

Византийская доктрина власти и славянская государственность

К началу эпохи формирования раннефеодальных "варварских" государств в Европе единственной государственной системой на континенте являлась Позднеримская империя, фактически разделившаяся на две независимые друг от друга части /западную и восточную/. Становление "варварских" государств совершалось в ожесточенной борьбе с империей. Темпы этого процесса находились в прямой зависимости от степени ликвидации позднеримских рабовладельческих отношений и соответствовавших им общественно-политических институтов, с одной стороны, и от степени сохранения производительных сил и освоения производственного опыта, которые были

достигнуты в империи к началу Великого переселения народов, - с другой.

Факт хронологически нарастающей замедленности процесса образования европейских средневековых государств по мере удаления региона их становления от центра владений империи или от ее бывших границ подтверждает марксистский тезис о важности синтеза /и его интенсивности/ прогрессирующих базисных элементов двух разлагающихся общественно-экономических систем: римской, поздне-рабовладельческой и "варварской", первобытно-общинной.

Наименее ощутимо последствия синтеза двух упомянутых враждующих общественных систем проявились в идейно-политической области, в сфере надстройки: все раннесредневековые европейские государства были в период возникновения и первых этапов развития языческими государствами или же их население принадлежало к тому течению христианства, которое в империи было официально признано "ересью" и подвергалось преследованию/арианство/.

Все основные институты публичной государственной власти в "варварских" государствах, в том числе - в славянских, были либо новообразованиями, обусловленными развитием феодального общества, либо учреждениями, генетически связанными с последним этапом существования Родо-племенного строя, включая формы идейно-политической /религиозной/ жизни и идеологического обоснования/сакрализации/ как укрепляющейся монархической власти, так и политической независимости от сохранившегося в период перехода от античности к средневековью Византийского государства /бывшей Восточно-римской империи/, которое в эпоху формирования всех славянских государств /конец VII-конец X вв./ постепенно упрочивалась в качестве централизованной феодальной монархии.

Сердцевиной византийской доктрины власти являлась теория императорской власти, неотъемлемым элементом этой теории являлось учение о прерогативах монарха как единоличного повелителя и господина всех подданных его царства, как "наместника божия" на земле. Именно поэтому влияние византийской доктрины власти на славянский мир проявилось лишь после принятия славянами христи-

анства и лишь в тех славянских странах, которые приняли крещение от Византии. В своих конкретных проявлениях наиболее заметным это влияние было в Болгарии, затем - в Сербии и, наконец, в Древней Руси.

Христианизация, как официальный акт центральной власти, а также организация христианской церкви в качестве идеологического и общественно-политического института были обусловлены, прежде всего, внутренними социальными причинами. Поэтому утверждение христианства и тщательное соблюдение его догм и канонов и нравственных норм преследовало во внутренней политике те же цели, что и в империи: упрочение господства классов феодалов и укрепление монархической власти главы государства. Во внешней политике цели империи и стран-неофитов не совпадали: Византия рассматривала христианизацию как средство либо подчинения славянских стран, либо усиления на них своего политического влияния, а сами славянские страны - как орудие достижения равноправия в отношениях с Византией и с другими христианскими государствами Европы.

Усвоение вместе с христианским учением византийской доктрины власти господствующими кругами ряда славянских стран привело, несомненно, к упрочению организационно-политических форм обеспечения высшей власти монарха. Но оно не привело к сколь-нибудь существенной перестройке на византийский лад самого аппарата центрального и провинциального управления. Здесь в основном сохранились местные, естественно исторически сложившиеся формы организации власти в центре и в провинциях. Мало того - принятие византийской теории высшей власти не означало полного отказа от дохристианских принципов ее идеологического обоснования: в славянских странах, принадлежавших к восточнохристианскому миру, как неотъемлемый атрибут доктрины монархической власти, утвердился с самого начала и соблюдался восходивший к эпохе племенных княжений принцип ее наследственности - в противоположность положению дел в Византийской империи.

Патрицианско-бюргерская идеология в Дубровнике XV в.

Итальянец Ф.де Диверсис живший в Дубровнике в 30-40е- гг. XV в. в "Описании Дубровника" и в своих речах по случаю смерти и коронования венгерских королей, покровителей республики, оставил разнообразные сведения о внешнем облике города, его обычаях, экономике, внешних связях и т.д.

В сочинениях Диверсиса совместились гуманистические веяния, характерные для городской жизни Средиземноморья, с принципиальными установками официальной патрицианской идеологии по вопросам государственной власти в Дубровнике, положения патрициата и народа, взаимоотношений с церковью, внешней и внутренней политике.

В "Описании Дубровника", посвященном дубровницкому Сенату, Диверсис восхваляет политическое устройство Дубровника - республику, где вся власть принадлежит замкнутому в себе патрицианскому слою, нобилем, которых он называет крупными купцами. Нобили свободны и равны между собой и являются настоящими гражданами республики, т.к. только они обладают всеми политическими правами в городе. Рассказ Диверсиса о внешнем благоустройстве Дубровника, его экономическом процветании, добропорядочных обычаях и религиозности населения - играет важную роль: он подчинен задаче прославления власти патрициата.

Рассуждения Диверсиса о простом народе - земледельцах, моряках /"они должны быть сильны телом, но слабы умом", чтобы "не замыслить козни против города и не поднимать мятежи"/, о похвальном поддержании спокойствия в городе и т.п. имеют теоретической основой идею "божественности" и неизбежности установленного патрициатом порядка.

В речах Диверсиса отражение внешнеполитической позиции патрицианского Дубровника - верность венгерской короне, покровительство которой отвечало интересам республики, осведомленность о событиях на Балканах, надежда на успех европейских держав в борьбе с турками, солидарность с реакционными силами в Европе, выступившими против гуситской Чехии.

Двойственность социальной позиции патрициата, в среде которого также формировалось купечество нового образца, получает любопытное преломление в сочинениях гуманиста-Диверсиса: он не находит хвалебных слов по поводу знатности патрицианских родов, но откровенно восхищается людьми предприимчивыми и образованными.

Более последовательно идеология богатого, но отесненного от власти пополакта прослеживается в сочинении дубровчанина Б.Котрульевича, в его трактате "О торговле и совершенном торговце"/1458/ старшая апология торгового сословия граничит с протестом против феодальной корпорации нобилей, против патрицианского, правопорядка в Дубровнике.

Б.Котрульевич противопоставляет сословие торговцев феодальному классу и создает образ совершенного торговца /"наиболее универсального человека на земле/, широкообразованного, способного утвердиться в жизни благодаря своим личным качествам и умению вести дела.

Итак в Дубровнике в середине XV в. идеология господствующего патрициата столкнулась с идеологией поднимающегося сословия, пополакта, в рядах которого складывалась ранняя буржуазия. Традиции патрицианского управления, отразившиеся в сочинениях Диверсиса, нашли в дубровнике достойный противовес в идеологии пополакта, отмеченной чертами необычайной убежденности и исторического оптимизма.

В.И.Матузова

Особенности агиографического материала в "Хронике земли Прусской" Петра из Дусбурга.

"Хроника земли Прусской" Петра из Дусбурга/перв. четв. XIV в./ была первым историографическим памятником немецкого ордена. Она явилась средством идеологического самоутверждения Ордена в Пруссии. Библейский и агиографический материал является мировоззренческой стороной памятника, запечатленной в конкретных образах. В использовании этого материала проявляется тенденциозность автора "Хроники". Присутствие агиографического материала определяется уровнем средневекового религиозного сознания и культуры. Житийный материал в составе "Хроники" основан на архивных материалах Ордена и на устных преданиях. Этим объясняется его неоднородность в составе "Хроники". Жизнеописание

магистров Ордена характеризуются конкретностью, натуралистичностью, роднящей их со средневековыми скульптурными портретами исторических личностей. Жития и деяния "братьев" Ордена выполнены в духе героических преданий, допускающих присутствие фантастических деталей. Они тесно смыкаются с чудесами и видениями, придающими им характер, свойственный сочинениям немецких мистиков XIII–XIV вв., и согласуются с восприятием хронистом "испокон века не слыханных чудес", явленных в Пруссии.

Сочетание натуралистических и фантастических деталей в агиографическом материале "Хроники" приближает ее к произведениям готического искусства, явившимся ярчайшим воплощением особенностей средневекового религиозного и художественного сознания.

Г.П.Мельников.

Некоторые черты исторического сознания чешского общества в XVI в.

Историческое сознание чешского общества XVI в. изучено крайне недостаточно. Данная тема весьма важна для изучения идеологического развития чешского общества в период, предшествовавший Белогорскому поражению.

С конца XV в. шел процесс "выветривания" памяти о характере и сущности гуситских войн/Хроника Бартоша-писаря, сеймовые речи Фердинанда I и др./.

Одновременно шел процесс сакрализации вождей гусизма /Иенский кодекс/ и превращения гуситской традиции/утраквизм/ в основную причину идеологического изоляционизма чешских утраквистов, осознававших себя носителями и охранителями этой исторической традиции. Происходила трансформация данного вида изоляционизма в политическую сферу, что имело следствием ограниченность и близорукость политического мышления чешской сословной оппозиции в XVI в.

Идеализация ягеллоновского периода стала с середины XVI в. элементом идеологической борьбы сословной оппозиции против абсолютистских тенденций Габсбургов.

Интерес общества к традиции государственности, как это имело место в эпоху Карла IV, сменился интересом к чисто занимательной стороне истории, что привело к появлению сочинения, основанного на художественно-историческом вымысле/Хроника Гай-

ека./ Одновременно с процессом "беллетризации" истории в конце XVI в. возникает направление исторического просветительства /Исторические календари Даниэля Адама из Велеславина/.

К концу XVI в. историческое сознание чешского общества представляло собой конгломерат противоречивых явлений и тенденций. Каждая конфессиональная группа, на которые было расколото чешское общество, имела свои особенности исторического сознания, связанного с той или иной конфессиональной традицией. В связи с этим первое место в исследованиях должно быть уделено роли исторического сознания в идеологии и политике различных групп чешской сословной оппозиции.

А. С. Мыльников

Памятники средневековой славянской письменности как источник изучения межэтнических культурных контактов

Наличие в памятниках средневековой письменности сюжетов, посвященных другим народам, давно уже отмечено в литературе. Эти вопросы на славянском материале получили освещение в трудах В. Д. Корольюка, внесшего крупный вклад в разработку проблем международных связей Древнерусского государства и славянского сознания периода феодализма. Тем не менее, названная тема заслуживает особого внимания как тема комплексная, нуждающаяся в конкретно-источниковедческом и методологическом осмыслении.

Предлагаемый доклад построен на основе анализа неизвестного памятника чешско-латинской литературы "О происхождении девяти мальчиков", выявленного нами в одном из рукописных сборников Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Памятник относится, по видимому, к XIV в. и судя по контексту сборника, связан с культурными кругами Карла IV. Сюжет памятника зарегистрирован в литературе ряда других народов, в том числе немецкой, польской, белорусской. Вкратце сюжет сводится к мотиву матери, стремящейся утопить рожденных ею девятерых младенцев. В нашем случае важно, однако, что в повести упоминаются многие реалии XII-XIII вв., в том числе Даниил Галицкий.

В заключении доклада сделана попытка наметить некоторые возможные пути сравнительного исследования славянских письменных/летописных, литературных/ источников с точки зрения отражения в них межэтнических контактов и разные варианты последних.

Е. П. Наумов.

К истории общественно-политической мысли южнославянского средневековья / Структура власти и политические концепции раннефеодальной эпохи /

В историографии / в работах В. Д. Королюка и др. ученых / при характеристике раннефеодального строя неоднократно отмечались такие особенности политического и социального развития, как возникновение наследственных династий в различных государствах той поры, образование достаточно могущественной знати, существование крупных и, напротив, мелких княжеств, полузависимых уделов, нарастание порой противоречий внутри господствующей верхушки и т. д. В то же время в литературе остается все еще недостаточно изученной проблема соотношения этих примечательных черт и процессов с возникавшими тогда и немаловажными направлениями в области общественно-политической мысли и историографии южнославянских стран раннего средневековья.

В особенности это относится к истории сербских и хорватских земель в тот период, в известной мере – словенских земель. Одной из причин этого, без сомнения, является скудость и малочисленность местных источников, однако, даже на их основе возможно, по нашему мнению, наметить следующие политические концепции той эпохи, более того – отметить любопытное переплетение и взаимосвязь разных концепций в одних и тех же памятниках. Первой из таких концепций, вероятно, следует признать доктрину единодержавия раннефеодального правителя и его наследственных прав на власть / своего рода "самодержавство" /, наряду с которой / и, быть может, почти одновременно / проявляется и концепция своеобразного "двоевластия" или "соправительства" князя с окружавшей его знатью. Позднее, с принятием христианства в южнославянских странах находят свое выражение и "теократические" устремления высшего духовенства / по всей видимости, прежде всего – западного, католического /, которое также претендовало на большое участие в делах государственного управления.

Н. М. Пашаева.

Наследие чешских средневековых мыслителей и общественных деятелей в печатной продукции будителей.

В эпоху национального возрождения / последняя треть ХУШ–70-е гг. ХІХ в. / в славянских странах происходит не только создание новых художественных, философских, общественных и политических

культурных ценностей, но и освоение культурного наследия прошлого, различных его форм. В Чехии этот процесс проходил особенно ярко на всех трех стадиях национального возрождения. Он хорошо прослеживается на печатной продукции будителей. Наблюдаются два направления их издательской деятельности — выпуск научных трудов, освещающих прошлое страны, в том числе идеологию и общественную мысль прошлого, и выпуск популярной литературы для широкого читателя, причем памятники общественной мысли прошлого публикуются в изданиях научных и популярных.

На первой стадии национального возрождения — последняя треть XVIII в. процесс освоения идеологического наследия прошлого лишь начинается. На втором этапе возрождения /I-я пол XIX в./, особенно в 20–40-е гг. чешские будители осуществляют и издание научных трудов и публикацию памятников прошлого, в том числе издаются труды средневековых мыслителей хранившиеся в рукописях. Особое место в этот период занимает фиксация памятников в библиографических трудах /Юнгман и др./

На третьем этапе /50-е–70-е гг. XIX в./ осуществляется планомерное изучение идеологического наследия прошлого страны, а также научная публикация исторических памятников.

В настоящем сообщении предполагается дать краткую характеристику изданий будителей по теме, а также представить небольшую выставку изданий конца XVIII–XIX вв., хранящихся в Гос. публичной исторической библиотеке.

А. И. Рогов:

Связи между Русью и балканскими странами в области общественно-политической мысли

Для общественно-политической мысли различных стран в эпоху средневековья одной из характерных черт является филиация идей. Этому способствовала общность средневекового мировоззрения /при всех специфических его особенностях в отдельных регионах и странах/ сходство соответствующих стадий в развитии феодальной государственности и даже конкретных политических ситуаций.

Эта проблематика разработана в отношении проникновения византийских идей власти и государства на Русь /труды М. Дьяконова, Е. Барсова, В. Вальденбергера, В. Малинина/. Правда, следует отметить недостаточно четкую дифференциацию церковной и светской линии в этих идеях.

Мало сделано по вопросу восприятия и адаптации общественно-политических идей на Руси от южных славян и наоборот. Византиско-южнославянские связи в этой области прослеживаются по многим памятникам, особенно II Болгарского царства и державы Стефана Душана. В эпоху т.н. "второго южно-славянского влияния" немало памятников, пришедших на Русь с Балкан, было связано с общественно-политической проблематикой.

Центральное место среди указанных идей занимает теория о вечном "римском" царстве и перемещении его центров, например, Ветхий Рим-Новый Рим/Константинополь/-Тырново-Москва.

В XVI в. представители южных славян, находившихся под османским игом/деспотизма Ангелина, афонские монастыри/муссируют идею о Москве, как единственном православном центре. Константинопольский патриархат, как и другие восточные православные монастыри, в целом придерживаются иной фанариотской идеи восстановления Греческого царства.

Среди других общественно-политических идей общего русско-южно-славянского типа обращают на себя внимание связанные с идеей Римского царства царские родословия, особенно сербские и русские. Особое внимание следует обратить на родословия Молдавского княжества, включенные в Воскресенскую летопись.

Особая группа памятников, дающая немало важных данных по нашей проблематике - сербские и русские чины поставления на княжения и царство в их взаимном сопоставлении и с учетом византийского чина, позволяющие видеть особую близость русского чина именно к сербским.

В.К.Ронин.

Принятие христианства и социально-политическое сознание славянской раннефеодальной знати в центральной Европе.

Официальной массовой христианизации славянских княжеств Центральной Европы предшествовало постепенное проникновение нового вероучения в высшие слои общества.

У всех славянских народов этого региона первыми в орбиту христианизации попадали представители княжеских семей и ближайшей к ним дружинной аристократии. Впервые к христианству они приобщались, как правило, за границей, оказавшись там в качестве заложников, эмигрантов или ссыльных. Другим путем проникновения нового культа были смешанные браки. В обоих случаях импульсы к крещению исходили извне, а княжеский двор становился

первым в стране очагом распространения "истинной веры"-"сверху вниз", среди знати и в широких слоях народа.

Дальнейшая социальная динамика христианизации определялась многими факторами: авторитетом княжеской власти, зрелостью политических институтов монархии, централизованным характером управления, территориальным и этнополитическим единством страны, силой местных языческих культов и социальным влиянием жречества, интенсивностью миссионерской деятельности иностранных церковных центров. При более благоприятных условиях крещение княжеской семьи влекло за собой массовое/хотя бы и формальное/ распространение христианства в стране/Карантания в УШв., Великая Моравия в IXв., Польша в X в./ .В условиях неблагоприятных- не приводило к массовой христианизации и либо оставалось актом индивидуальным, не имевшим политических последствий/СвятополкОбодритский в 821г., 14 чешских князей в 845г./, либо создавало ситуацию двух религий когда языческим народом правил князь-христианин, явный или тайный/ободритские князья в XI в., поморский князь Вратислав в XIIв./

Приобщение местной знати к христианским нормам жизни могло быть успешным тогда, когда оно осуществлялось в соответствии со сложившейся в этой среде системой социокультурных представлений и ценностей. Миссионерам приходилось считаться с реальностями сознания славянской элиты, приспосабливаться к ее системе понятий. Сравнительное изучение отдельных этапов "обращения" господствующей верхушки у разных славянских народов показывает, от каких обычаев и традиционных воззрений князьям и магнатам было труднее всего отказаться.

Процесс христианизации правящего слоя отмечен духом компромисса. Одним из характерных признаков ее первого этапа можно считать попытки совмещения старого и нового культов. На втором решающем этапе князь и его окружение принимали на себя миссионерские функции. Инициаторская роль славянской знати в процессе христианизации ясно сознавалось ею самой, миссионерами и народом. Принятие христианства явилось идеологической формой консолидации особого самосознания правящего слоя раннефеодальных княжеств.

Л. Е. Семенова.

Научная деятельность Дмитрия Кантемира в России.

В истории русско-молдавских культурных связей начала XVIII в. видное место принадлежит выдающемуся общественно-политическому деятелю, ученому-энциклопедисту Дмитрию Кантемиру.

Будучи Молдавским господарем/1710–1711/ и придерживаясь прусской ориентации в освобождении княжества от османской зависимости, Кантемир во время Прутского похода Петра I перешел на сторону русских войск и после их поражения при Станилешть в июле 1711 г., переселился в Россию.

Кантемир активно участвовал в общественно-политической жизни России, являясь сподвижником Петра I в его преобразовательных реформах. Кантемир был высоко образован, владел латинским, греческим, персидским, итальянским, русским, французским, турецким языками. Диапазон его научных занятий был велик. Обладая широкими познаниями в разных областях – истории, философии, экономике, логике, языкознании, литературе, музыке, он оставил в каждой из них свой след.

Годы проживания в России были наиболее плодотворными в научной деятельности Кантемира. К этому времени относится творческая зрелость его как ученого. В России он написал большинство своих научных работ, в их числе такие фундаментальные труды как "История роста и упадка Оттоманской империи", "Историческое, географическое и политическое описание Молдавии", "Хроника стародавности романо-молдо-влахов".

Общение Кантемира с передовыми мыслителями и общественными деятелями России /В.Н.Татищевым, Ф.Прокоповичем, Л.А.Толстым и др./ оказало положительное воздействие на развитие его научного мировоззрения, общественно-политических и философских взглядов. В русских научных кругах высоко ценили его многогранный научный талант. В России пришла к нему слава европейского ученого. Международным признанием заслуг Кантемира явилось избрание его в 1714 г. членом Берлинской Академии наук.

О Кантемире много написано в румынской историографии и историками СССР. Период его жизни в России освещен слабее. Изданы его сочинения, продолжается сбор и публикация рукописного наследия. Но интерес к его жизни и творчеству не иссякает. Выявляются новые документы и материалы. Румынский историк Е.Поп обнаружил в архиве Академии Берлина и опубликовал материалы, связанные с избранием Кантемира в Берлинскую академию, из которых выявляется посредничество Генриха Гюйсена в этот период, что ранее в литературе не отмечалось. Гюйссен был первым ученым из окружения Петра I, кто заслужил признание Берлинской Академии и стал ее членом./1710/. В последующем ему выпала честь рекомендовать своих коллег из России для выборов в Берлинскую Академию. Среди них был и Кантемир.

Гюйссен сохранил свою посредническую роль и в последующих отношениях Кантемира с Берлинской Академией. В опубликованных Е. Попом материалах содержатся свидетельства о существовании переписки между Гюйссенем и Кантемиром. Нам удалось обнаружить в архивохранилищах Ленинграда подлинники писем Кантемира к Гюйссену 1716–1717 гг. Обнаруженные Е. Попом документы, относящиеся к периоду после смерти Д. Кантемира, говорят о сохранившемся большом интересе Берлинской Академии к личности своего бывшего члена, его сочинениям и рукописным трудам. Интерес этот не был случайным. Еще при жизни известность Кантемиру принесли основательность научных исследований, всесторонний и объективный анализ самого широкого круга источников.

Многогранная научная деятельность Кантемира в России, его многочисленные труды в разных областях знания внесли ценный вклад в историю отечественной и европейской науки и культуры.

Л. А. Софронова.

Мировоззрение Г. Сковороды.

Г. С. Сковорода /1722–1794/ – украинский философ, поэт, педагог. Для него характерно нерасчлененное восприятие мира. Его художественное видение вырастает из философских воззрений. Философские идеи он выражает в художественной форме /басни диалоги/. Он – поэт, пишущий о философских проблемах "Сад божественных песен". Его поэтические произведения вошли в фонд народной культуры.

Г. С. Сковорода толковал Библию, называл себя "любителем священного Писания". Он рассматривал ее не только как вместилище сокровенных знаний о боге, как книгу, равную миру /ср. топос: мир-книга/, но как "третий, символический мир". С чисто барочной смелостью он строил многочисленные цепи соответствий мира вещного и мира идей, опираясь на ее текст. Она для него – "плетень образов".

Г. С. Сковорода в своих построениях пользуется терминами знак, значение, различает имя и вещь. "Символичность его мышления была замечена русскими философами конца XIX в. С. Соловьев и А. Белый хорошо знали его сочинения.

Наряду с Библией, толкование которой предельно выразило мировоззрение Сковороды, в кругу его чтения постоянно находились сочинения отцов церкви. Не был он чужд и "языческого богосло -

вия - называл сочинения античных философов и поэтов. Платон, Сократ, Эпикур, Гомер, Овидий - имена, к которым он обращается постоянно.

Был знаком Г.С.Сковорода и с системой Н.Коперника. Вероятно, что будучи в Германии, он слушал лекции Канта.

В результате сплетения столь различных источников представлений о мире, их интерпретации Г.С.Сковорода построил картину трех миров: микрокосма-вселенной, микрокосма-человека, и третьего мира, все отражающего - Библии. Его картина мира построена на антитезе. Она даже распалась на два мира, один из которых - невидимый. Это мир значений.

Мировоззрение Г.С.Сковороды, реконструированное только по его сочинениям, неполно. Он построил свою жизнь в соответствии со своими убеждениями, отказавшись принять монашество, петь в Петербургской капелле, иметь постоянное место учителя. Он учил и странствовал, бедствовал и сокрушался, "мир ловил его, но не поймал."

И.П.Старостина.

Отражение феодальной идеологии в законодательных и актовых источниках Великого княжества Литовского XV в.

В к. XV-сер. XVI в. в русской публицистике отмечено пристальное внимание к вопросам происхождения русской государственности, роли суда, прослеживается идея божественного происхождения власти.

Усиление репрессивных начал в праве получает подкрепление в феодальной идеологии, освященной авторитетом христианского учения. Праведный суд является высшим предназначением христианского государя, поставленного "от бога на казнь злым", а добрым на милованье". Эта характеристика получает особое звучание в период оформления законодательства складывающегося централизованного Русского государства. Евангельское наказание "по их делом" нашло отражение в апологии земного суда, казнящего "лихих" людей по "их делу".

Похожие тенденции можно проследить и в источниках по истории Великого княжества Литовского. Ян Длугош ставил в упрек Казимиру недостаточную строгость к преступникам.

Заключительная формула ст. 12 Судебника Казимира находится в прямом соответствии с идеей правомерности наказания "злых"

"А над злодеи милости не надобе". В посольских речах Казимира рязанскому князю Ивану Федоровичу требование решения спорных дел подкрепляется соответствующей ссылкой "абы правыи не гибли, а виноватые покажнены были."

Начало ст. 12 Судебника Казимира, открывающей раздел об определении наказаний, содержит в себе формулировку "А коли злодеа выддутъ ис права, а чим его узвелеть казнити по его делом." Эта формула употреблена дважды в привилее Александра киевским мещанам. В первом случае выражение "а тати казнити по его делом подле права" входило в состав постановлений, источником которых были статьи Судебника Казимира. Во втором случае предписание "казнити виноватого по его делом", как права скажут" формулировало принцип наказания пропорционально тяжести содеянного, которая содержалась в ст. 3 общеземского привилея о наказании только по суду *peminem captivabimus* /1447/. Таким образом формула о наказании виновного "по его делом" стала эквивалентом выражения о наказании виновного "подлуг их велкости проступков" общеземского привилея, латинского "*secundum suorum excessuum qualitatem et quantitatem*"

О.Б.Страхова

Идеологический и культурно-языковой аспект деятельности братьев Лихудов.

Приезд в Москву в марте 1685 г. братьев Иоанникия и Софрония Лихудов – известных ученых греков, монахов для создания школы греческого языка оказал большое влияние на идеологическую и общественно-политическую жизнь Москвы XVII в. Ранее Арсений Грек архимандрит Дионисий, митрополит Навпакта и Арты Гавриил, грек Тимофей и др. без особого успеха брали на себя миссию создания в Москве "еллино/греческого училища". В середине и во 2-ой половине XVII в. религиозные деятели православных стран Ю.-В. Европы видели в России единственную православную державу, сохранившую религиозную независимость "древнее благочестие", способную сберечь и умножить православную/византийскую/ культуру. Это было связано с весьма сложной ситуацией в Константинопольской патриархии – с необходимостью печатать греческие книги, богослужебные и религиозные, в основном в странах Зап. Европы. Поэтому часть церковных деятелей православного Востока стремилась к созданию прочной культурной базы на территории православной России.

Обостренный интерес к греческой культуре и языку возникает в России в связи с грекофильскими умонастроениями патриар-

ха Никона. Декларативное возведение греческой культуры в ранг престижной во многом способствовало успеху миссии братьев Лихудов. Апелляция к греческому языку в глазах никониан приобрела характер надежного аргумента в спорах со старообрядцами, позволяя обвинять их в незнании православной богословской литературы. Споры старообрядцев и никониан, зарождающееся греческое влияние и консервативные взгляды сторонников "древнего благочестия", наконец, мощный поток югозападнорусской культуры на великорусскую территорию — вот условия общественно-политической и идеологической жизни русского общества ко времени приезда в Москву братьев Лихудов. Благодаря их деятельности греческий язык впервые в Московской Руси получил статус "спасительного" языка, а удовлетворительное знание церковнославянского языка ставилось в зависимость от знания греческого. Эта концепция получила свое полное выражение в "Слове поучительном" московского патриарха Иоакима.

Л. П. Сушкевич

Анджей Фрыч Моджевский и его роль в развитии польской общественной мысли XVI в.

При изучении идеологии европейского Возрождения особое внимание привлекают особенности развития общественной мысли в странах со слабым развитием буржуазных отношений и господством барщинно-крепостнической системы в т.ч. в Польше, для которой XVI в. был периодом бурного расцвета культуры. Среди ее представителей достойное место занимает А.Ф. Моджевский, в трудах которого затрагиваются многие проблемы социально-экономического и политического развития Польши XVI в.

Одним из замечательных памятников общественной мысли польского Возрождения является труд Моджевского "Об исправлении государства". Он интересен как произведение политической мысли, как выражение взглядов автора на исторический процесс, как выдающийся литературный памятник, оказавший существенное влияние на последующее развитие польской культуры.

Моджевский наметил ряд реформ государственного и общественно-го строя Речи Посполитой. Он требовал укрепления государства, выступал против подчинения государства интересам привилегированных сословий, предлагал допускать крестьян и горожан к выборам короля и т.д. Он выдвинул равенство граждан перед судебным законом, замены сословного деления делением по заслугам и способностям. Большой вклад внес Моджевский в разработку вопросов войны

и мира, обосновал очень смелые для своего времени положения о справедливых и несправедливых войнах, способы решения международных конфликтов и поддержания мира.

Хотя Моджавский был не всегда последователен в своих выводах, выдвинутая им программа реформ была свидетельством смелости писателя и прогрессивности его идеологии. Поэтому его проекты были в штыки приняты господствующим классом, и мало, кто из современников открыто поддержал их. Католическая реакция стремилась предать забвению имя крупнейшего писателя Польского Возрождения. Но его прогрессивные идеи были восприняты и нашли дальнейшее отражение в произведениях его последователей, а также оказали большое влияние на развитие европейской общественной мысли.

А.А.Турилов.

"Сказание о железном кресте" как источник по истории и общественно-политической мысли Болгарии конца IX-нач.Xв.

Среди болгарских источников по истории Первого царства особое место занимает "Сказание о железном кресте" - цикл "чудес" Георгия Победоносца, записанный на рубеже первого и второго десятилетий X в. "Сказание" сохранилось в 6 относительно полных списках XVI-XVII вв./все русского извода, 5 из них выявлено Автором/ и десятках списков отдельных повестей XIII-XVIII вв. Как единое целое "Сказание" получило известность после публикации Б.Ст.Ангелова /1971/, хотя некоторые повести введены в научный оборот еще в середине XIX в. Наиболее известным и исследованным является "Чудо о кресте и болгарине", содержащее сведения по истории Болгарии послетрети IX в. В последнее время памятник привлекается в работах Д.Ангелова как источник по истории национального самосознания. В литературе отсутствует определенное мнение о происхождении памятника, не решен вопрос о его оригинальном происхождении/Б.Ст.Ангелов, С.Николова, И.Божилов/.

Историческая информация, содержащаяся в памятнике значительно шире очерченного круга вопросов. Изучение рукописной традиции "Сказания" позволяет отнести его к памятникам болгарской литературы, хотя возможно зафиксированного первоначально на греческом языке. Важность "Сказания" как памятника общественно-политической мысли, определяется тем, что это единственное известное болгарское литературное сочинение той эпохи, не связанное с кирилло-мефодиевской традицией. Наличие текста сочетающего ярко выраженные патристические тенденции с отчетливым грекофильством служит свиде-

тельством существования различных идейно-политических тенденций в болгарском обществе начала X в.

Большинство сведений "Сказания" уникально. Таковы данные по исторической географии Болгарии, известия о жизни свободных воинов-общинников, рабстве в болгарском обществе, особенностях церковной организации в Болгарии и культурных связях болгарского причерноморья с Малой Азией,

Б.Н.Флоря

Проблемы суверенитета в древнерусской политической мысли

Одной из насущных задач нашей медиевистики является выявление общих черт в развитии древнерусской и западноевропейской политической мысли. В этом плане представляется перспективным сопоставление тех формул, в которых находила выражение идея суверенитета государственной власти.

В становлении идеологии национальной монархии нового типа, государства, шедшего на смену феодальной раздробленности, большую роль сыграла получившая в XII-XIII вв. широкое распространение формула "rex est imperator in regno suo". Формула эта обладала двояким смыслом. С одной стороны, вела к укреплению верховной власти правителя, равного императору, над его вассалами, с другой — утверждала на международной арене независимость возглавлявшегося им государства, его равноправие с другими участниками международной жизни.

В памятниках древнерусской мысли аналогичная формула/"царь, еси, господине княже в своей земли"/ также обнаруживается сравнительно рано — в начале XIV в. Употребивший ее древнерусский писатель использует ее в том же историческом контексте и с теми же целями, что и теоретики национальной монархии на Западе. Наличие у древнерусской политической мысли таких традиций позволяет дать иную трактовку, чем это предлагалось в литературе, конфликту московских князей и византийского императорского двора в конце XIV в., завершившегося прекращением поминания императоров во время церковной службы.

М.М.Фрейденберг

Политическая мысль Дубровницкой республики

Как ни странно, такая тема, как "политическая мысль Дубровника" не очень хорошо представлена в литературе. Вряд ли это объ-

ясняется отсутствием интереса к теме, повидимому, просто осталось мало источников, и это имеет свои объяснения. Дело в том, что власть в республике была достоянием узкого круга людей, строго хранившего секреты управления, делиться политическим опытом было не принято, и непосвященные предпочитали в эту запретную сферу не вмешиваться. Весьма характерно и то, что дубровницкая республика не знала того, через что прошли все европейские общества позднего средневековья — политических листков, памфлетов, обилия брошюр и книг — в городе до конца ХУШ в. не было собственной типографии.

Там же, где источники прямо или косвенно вводят нас в обстановку, удается отметить несколько специфических обстоятельств. Остановимся на двух из них. Главная идея политической мысли этого крошечного государства — это идея государственной независимости. Независимости от соседних держав, от остальной Европы, в первую очередь от Порты. Эта мысль с особенной ясностью формулируется в ХУІ в, и далее на протяжении ХУП и ХУШ вв. Можно привести многочисленные примеры этого. Любопытно, что мысль о независимости не сопровождается у дубровницких политиков идеей величия. Напротив, ведущая мысль — мысль о собственной незначительности, ничтожности, генеральный дипломатический прием — стремление разжалобить, вызвать слезы. Но где-то подспудно не исчезает и чувство собственного достоинства и мысль о том, что дубровчане — равноправные участники европейского сообщества.

Еще одна особенность политического мышления дубровчан — стремление не допустить какого-либо вмешательства церкви в сферу государственного управления. Еще коммуна/т.е. до возникновения республики, до середины ХУ в./ не допускала усиления имущественных и общественных позиций архиепископии. Республика же еще более усилила эту политику. И одновременно она взяла на себя обязанность как бы представлять церковь в ряде сфер, например, охрану конфессиональных интересов католицизма — борьбу с православием на границах государства, сопротивление русской дипломатии в ХУШ в., когда речь заходит о постройке православной церквушки в городе, и проч. Иными словами, дубровницкое государство присваивает себе высшую власть и в этой области — аристократия не хочет поступиться ни одной из своих прерогатив.

Н.И. Щавелева

Идея славянского и общепольского единства в хронике
Великой Польши /XIII—XIV вв./

Сложная историческая обстановка XIII в., серьезные перемены в

государственной жизни Польши/немецкая колонизация, наступление Тевтонского Ордена, монголо-татарские набеги, ссоры удельных князей/ не только привели к потере исконных польских земель, но и подорвали национальные основы страны.

Экономические сложности, оппозиционные настроения духовных и светских феодалов послужили причиной тому, что объединение государства взяли в руки прогрессивные круги Великой Польши.

Великопольский хронист выступает носителем идеи народной целостности. Для ее обоснования он выдвигает ряд аргументов, важнейшим из которых является принадлежность поляков к славянам, ведущих происхождение из "единого прародительского лона". Главенствующая роль среди славян отводится полякам, чехам и русам, что иллюстрируется легендой о трех братьях Чехе, Лехе и Русе. Общность происхождения, культуры, исторических традиций подкрепляется сходством славянских языков, берущих "начало от отца Слава".

Стремясь внушить читателю сознание национального единства, автор хроники обращается к далеким библейским и античным временам, где выискивает корни общепольской династии, ее древние центры, родоначальников, давших общее название всем жителям страны — поляки или лехиты. Символом единения представляется в хронике канонизация общепольских святых/в частности краковского епископа Станислава/.

Центром единения хронист предлагает рассматривать Великую Польшу со столицей Гнезно, "митрополией лехитов, откуда берут начало другие провинции" — (*Origo provinciarum*).

Н. Н. Шапов.

"Суд цара Леона и Константина", как памятник сербского права и русско-южнославянских культурных связей XVII в.

Среди памятников средневекового сербского права последушанова времени представляет интерес "Суд цара Леона и Константина" — анонимная компиляция, сохранившаяся в Раваницком юридическом сборнике 1687 г. Она основана на переводах византийских кодексов права — Эклоги VIII в. и Прохирона IX в. и включает статью из Закона судного людем. Вместе с тем она фиксирует нормы сербского права, не отразившиеся в других судебниках. Половина статей "Суда", состоящего из 29 таких разделов, посвящена военным и политическим преступлениям, актуальным в условиях XVII в., когда южнославянские города и общины противостояли османскому

господству. Кроме того, он включает нормы наследственного права, обеспечения вдовы, правила допроса свидетелей и пр. Это судебник по делам, которые не нашли отражения в законнике Душана, и он представляет собой дополнение к этому Законнику.

Важен источник знакомства сербского составителя "Суда" со славянскими переводами византийских кодексов и Законом судным. Это московская печатная кормчая 1653 г., имевшая распространение на Балканах во второй половине XVII в.

Изучавший памятник А. В. Соловьев связывал его возникновение с сербским монастырем св. Андрея в Венгрии/Сентендре/ и считал, что он появился лишь в 1690 г. Однако новый анализ памятника, включавший как историко-юридическое, так и лингвистическое его изучение, связанное с подготовкой его издания, позволяет считать, что он возник на Адриатическом побережье, в Черногории или Герцеговине в третьей четверти XVII в. до 1687 г., к которому относится его список.

В. П. Яйленко.

Легенда в Кие, Щеке и Хориве как идеологический феномен XI в.

Близость сказания "Повести временных лет"/далее ПВЛ/ об основании Кием, Щеком и Хоривом соименных поселений в земле полян армянской легенде об основании Куаром, Мелди и Хореанком соименных селений в областях Тарона и Полуник, по мнению ряда ученых, объясняется заимствованием армянской традицией древнерусского сказания /Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, М. К. Крагер, М. Ю. Брайчевский/. Между тем анализ обоих сказаний показывает несомненную автохтонность и хронологический приоритет армянской версии. С. Т. Еремян показал, что "История Тарона", содержащая записи VI-VIII вв. в рассказе о братьях-эпонимах подразумевает реально существовавшие поселения Куар/ныне Кирави/, Мелди/ныне Мегди/, Хоренди. С. Т. Еремян и К. В. Айвазян пришли к выводу об историзме армянской легенды.

Обращаясь к анализу реалий киевской версии, видим, что действительно существовали лишь названия Киевская гора и Шевковица, а микротопоним Хоривица в источниках не фигурирует, т. е. он был искусственно создан автором легенды ПВЛ о братьях-эпонимах, который ориентировался на армянское сказание: Кия он

отождествил с Куаром, Хорива /Хореанка армянского источника/ воссоздал по созвучию с микропонимом Серховица и известным русской книжно-церковной традиции библейским оронимом Хорив, а Мелди заменил Шеком, имя которого производилось народной этимологией от названия киевской высоты Шековицы. Об ориентации автора сказания ПВЛ на армянскую легенду свидетельствует добавление им к братьям-эпонимам сестры Лыбеди, имя которой ассоциировалось народной этимологией с лебедью и которое находит соответствие в названии основанного армянскими братьями монастыря Карапета на горе Карке – с одной стороны, арм. *kaġar* – это "лебедь", а с другой – название горы *Kuarkh* соответствует названию Киева в восточных источниках, в частности *Kr'kr* Иосиппона /X в./

Т.о. версия ПВЛ о киевских братьях-эпонимах восходит к армянской легенде, которая могла стать известной в Киеве через армян или греков, пребывавших здесь с конца X в. Создание легенды понадобилось киевским летописцам для возвеличивания исторического прошлого столицы Киевской Руси, особенно ввиду соперничества с новгородскими хронистами, настаивавшими на первенстве Новгорода перед Киевом. Создание киевской версии относится к XI в. Как продукт идейной полемики летописцев она возникла не ранее начала киевского летописания ок. 1040 г. и не позже составления в конце столетия Начального свода.

Установленные время и условия возникновения ПВЛ о братьях-эпонимах ставят под сомнение модные ныне попытки усматривать в Кие историческое лицо – некоего могучего киевского князя рубежа VI–VII вв. Киевские поселения этого времени были рядовыми в числе примерно 200 археологически известных приднепровских поселений, поэтому нет оснований соотносить мифического Кия с набегами славян VI–VII вв. на Византию.

Подписано к печати 26.02.86. А-10533.
Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз. Зак. 76.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Офсетное производство типографии №3
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1.

